Б11 02/189
читальный

С. Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Д. 5367 д.
3 марта 1915 г.

Приказный строй управленія Московскаго государства.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, № 5.
1912.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

305623 м

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 305623.
193 г.

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

Приказный строй управленія Московскаго государства *).

Приказы, при помощи которыхъ московскіе государи болѣе двухъ столѣтій управляли своей вотчиной, составляютъ существенную и любопытнѣйшую сторону Московскаго государства. Они возникли еще при московскихъ великихъ князьяхъ, развивались съ властью царей и были замѣнены другими учрежденіями, когда Московское государство стало Россійской имперіей.

Въ первоначальномъ смыслѣ слова приказъ есть то же, что порученіе. „Быть на приказѣ“ или „на приказахъ“ значило исполнять какое-нибудь дѣло или порученіе. Говорили: такіе-то люди, дѣло или городъ

---

*) Литература: Старая литература о приказахъ указана въ 49 пт. Энциклопедическаго словаря Брокгауза. Вполнѣ удовлетворительнаго общаго обзора исторіи приказной системы нѣтъ, такъ какъ исторія большинства отдѣльныхъ приказовъ не изслѣдована. Наиболѣе важныя монографіи: по исторіи Разряда до XVII вѣка—*Н. П. Лихачевъ*. „Разрядные дьяки XVI вѣка“, СПБ. 1888 года; о Посольскомъ приказѣ—*С. А. Бѣлокурова*. Чт. Об. И. и др., 1906 года и отдѣльно; о приказѣ Тайныхъ дѣлъ—*И. Я. Гурлянда*. Ярославль, 1902 года; о Ямскомъ приказѣ см. въ его работѣ о ямской гоньбѣ въ Московскомъ государствѣ, Ярославль, 1900 г.; по исторіи четей—статья *С. Ѳ. Платонова* въ статьяхъ по Русской Исторіи, СБП. 1903 г. и обзоръ литературы вопроса *Е. Д. Сташевскаго* въ „Извѣстіяхъ Кіевскаго университета“ за 1908 г., XII; обзоръ новѣйшей литературы о приказахъ сдѣланъ *С. А. Шумаковымъ* въ статьѣ: „Къ исторіи московскихъ приказовъ“. Ему же принадлежатъ многочисленныя изысканія по исторіи Помѣстнаго приказа (въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р.) которыя пока даютъ еще только сырой матеріалъ. Богатый матеріалъ для исторіи приказовъ даютъ описанія сохранившихся приказныхъ архивовъ — Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Московскаго отдѣленія архива Императорскаго Двора.

„приказаны“, т. е. поручены какому-нибудь лицу. Если порученіе состояло изъ какого-нибудь одного дѣла, то приказъ оканчивалъ свое существованіе съ исполненіемъ его. Таковы въ XVII вѣкѣ многочисленные временные приказы для сбора чрезвычайныхъ налоговъ и различные сыскные приказы. Таковъ же знаменитый приказъ боярина кн. Н. И. Одоевскаго съ товарищами, которому было поручено подготовить Уложенье, и который населеніе въ своихъ челобитныхъ иногда называло Уложеннымъ приказомъ.

Приказы, какъ учрежденія.

Когда предметомъ порученія былъ извѣстный кругъ повседневныхъ дѣлъ, то съ теченіемъ времени онъ могъ легко пріобрѣсти значеніе учрежденія. Практика вырабатывала однообразные пріемы рѣшенія дѣлъ, а житейская логика заставляла подчиняться имъ. Съ теченіемъ времени возникала потребность въ архивѣ для храненія рѣшенныхъ дѣлъ и въ постоянномъ штатѣ знающихъ дѣло служащихъ. Такъ постепенно центръ тяжести переходилъ съ лицъ на дѣло, и личное порученіе превращалось въ учрежденіе. Этотъ переходъ совершался путемъ практики, безъ сознательно поставленной опредѣленной цѣли, такъ что очень трудно, часто даже совсѣмъ невозможно сказать, когда именно возникъ данный приказъ, какъ учрежденіе. Можно только отмѣтить, что приказы раньше стали учрежденіями въ такихъ отрасляхъ управленія, которыя состояли изъ повседневныхъ однообразныхъ дѣлъ. Различныя отрасли дворцоваго хозяйства уже въ первой четверти XVI-го вѣка, почти безъ всякаго сомнѣнія, управляются учрежденіями, тогда какъ такое важное для государства дѣло, какъ международныя сношенія, получаетъ значеніе учрежденія только въ серединѣ того же вѣка.

Органическій ростъ приказнаго строя.

Ближайшія нужды и задачи управленія опредѣляли вѣдомство и число приказовъ. Когда территорія государства разросталась, когда возникали новыя потребности, то московскіе цари, чуждые отвлеченныхъ

соображеній, распредѣляли по приказамъ новыя дѣла такъ, какъ имъ казалось удобнѣе въ данный моментъ; разъединяли и соединяли приказы, создавали для новыхъ нуждъ новые, или поручали удовлетвореніе ихъ какому-нибудь старому. Привычка и рутина поддерживали иногда то, что пережило уже свое первоначальное назначеніе. Приказный строй росъ, подобно двору домовитаго хозяина, который не любитъ, чтобы что-нибудь пропадало, а строитъ, перестраиваетъ, надстраиваетъ и пристраиваетъ различныя службы по мѣрѣ надобности. Такъ, съ теченіемъ времени, происходило скорѣе нагроможденіе приказовъ, чѣмъ внутреннее развитіе всего строя. Этимъ объясняются какъ нестройность и сложность приказной системы, такъ и ея прочность и практичность. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать недостатковъ ея, какъ это дѣлаютъ многіе изслѣдователи, а главное, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что приказы, какъ всякія человѣческія учрежденія, пережили періодъ расцвѣта, когда они удовлетворяли насущнымъ потребностямъ, и періодъ упадка, когда стали брать верхъ отрицательныя стороны. Весьма распространенное мнѣніе, что въ приказномъ строѣ царила путаница и неопредѣленность, отчасти сильно преувеличено, частью основано на недоразумѣніи или незнаніи подробностей вопроса. Всякій согласится, что стройность и систематичность учежденій не есть цѣль сама по себѣ и не составляетъ ихъ назначенія, однако, когда дѣло доходитъ до оцѣнки приказнаго строя, то ему приписываются такіе недостатки, которыхъ онъ не имѣлъ совсѣмъ, или имѣлъ, но не всегда, или, наконецъ, такіе, которые являются недостатками только съ привычныхъ намъ точекъ зрѣнія. Указываютъ, напримѣръ, на Болховъ, какъ на такой городъ, который блуждалъ изъ приказа въ приказъ, какъ будто только для того, чтобы поддержать установившуюся за приказами репутацію хаотичности. Недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что было два Болхова, одинъ—нынѣ уѣздный

городъ Орловской губерніи, а другой Болховецъ или Болховой—маленькій городокъ возлѣ Бѣлгорода. Первый былъ вѣдомъ во Владимирской чети и другихъ приказахъ, а второй во всѣхъ отношеніяхъ—въ Разрядѣ. Смѣшеніе этихъ двухъ городовъ и появленіе ихъ то въ Разрядѣ, то въ другихъ приказахъ, создало за Болховомъ репутацію блуждающаго города. Мнѣніе о приказной черезполосицѣ тоже очень преувеличено. Во-первыхъ, большая часть территоріи государства, была вовсе незнакома съ нею. Все гражданское, военное и финансовое управленіе Сибири находилось въ рукахъ только приказа Казанскаго дворца, изъ котораго въ 30-хъ годахъ XVII вѣка былъ выдѣленъ особый приказъ—Сибирскій; всѣмъ Поволжьемъ управлялъ прик. Казанскаго дворца, Поморскими городами сѣвера—Новгородская и Устюжская чети, югомъ государства—Разрядъ, всѣми обширными дворцовыми владѣніями—прик. Большаго дворца. Эти области, даже безъ Сибири, составляли не менѣе двухъ третей всего государства. Черезполосица существовала только въ центрѣ государства—въ Замосковьѣ съ прилегающими къ нему уѣздами и отчасти на западѣ. Неудобства ея стали ощутительны для населенія только въ XVII вѣкѣ, вѣрнѣе, во второй половинѣ его, когда съ ростомъ и усложненіемъ государства, возникло много новыхъ приказовъ. За всѣмъ тѣмъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что челобитчики блуждали по улицамъ Москвы, не зная, въ какой приказъ имъ нужно обратиться съ своимъ дѣломъ. Успѣхи, которые сдѣлало Московское государство съ конца XV вѣка до уничтоженія приказовъ, очень значительны, и нѣтъ никакихъ основаній говорить, что они были достигнуты *несмотря* на приказную систему, а не при помощи ея. Какъ бы то ни было, приказный строй просуществовалъ болѣе двухъ столѣтій, а „регулярно сочиненныя“ учрежденія Петра Великаго были отмѣняемы раньше примѣненія на практикѣ.

Царь и приказы.

Душой и главнымъ рычагомъ всей приказной системы былъ царь. Вся она основана на предположеніи личнаго участія царя въ управленіи; приказные судьи и дьяки—только приказчики царя. Всѣ ихъ полномочія опредѣляются имъ, и вся ихъ дѣятельность проходитъ подъ его личнымъ наблюденіемъ. Государь входитъ во всѣ детали управленія, судитъ, присматриваетъ за своими казначеями и вездѣ руководитъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста государства, умноженія и усложненія дѣлъ, личное участіе царя въ дѣлахъ становится все затруднительнѣе, пока не дѣлается во многихъ отношеніяхъ фикціей. Приказный строй лишается своего одухотворяющаго начала и начинаетъ разрушаться. Въ виду невозможности для царя всюду поспѣть, дать вездѣ руководящія указанія и наблюдать за всѣмъ, появляется необходимость съ одной стороны отграничить область верховнаго управленія, гдѣ личное участіе царя необходимо, отъ подчиненнаго, гдѣ оно излишне; съ другой стороны, для подчиненнаго управленія нужно выработать общія нормы дѣйствій и создать контроль. Несомнѣнно, что эти нужды сознавались, но слишкомъ слабо, и московское правительство шло навстрѣчу имъ слишкомъ медленно и нерѣшительно. Особенно туго развивался контроль.

Счетные и сыскные приказы.

У московскихъ царей не было постоянныхъ контрольныхъ учрежденій, и они всегда больше разсчитывали на частные извѣты, жалобы пострадавшихъ и обиженныхъ и на ссоры самихъ приказныхъ, чѣмъ на свои чрезвычайные сыскные и счетные приказы. Ревизіи производились рѣдко, большею частью при смѣнѣ должностныхъ лицъ учрежденія, когда отставка или переводъ приказнаго на другую должность развязывали языки его бывшимъ подчиненнымъ и давали возможность получить хорошій матеріалъ для слѣдствія. Ревизія сводилась, главнымъ образомъ, къ послѣдующему бумажному контролю. Иногда одинъ приказъ получалъ порученіе обревизовать другой, иногда же для

этого учреждался временный спеціальный счетный или сыскной приказъ. Мнѣніе, будто при Алексѣѣ Михайловичѣ существовалъ постоянный Счетный приказъ, которому былъ порученъ счетъ всѣхъ другихъ приказовъ, неправильно и не подтверждается дѣлами этого приказа, сохранившимися въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ *). Въ дѣйствительности этотъ приказъ контролировалъ только военные расходы 60-хъ годовъ, и если, быть можетъ, и ревизовалъ какой-нибудь приказъ вообще, то случайно, по особому порученію.

Внутренній контроль въ приказахъ не былъ предусмотрѣнъ опредѣленными правилами и всецѣло зависѣлъ отъ предусмотрительности и служебнаго усердія судей и дьяковъ.

Царь и челобитчики.

Для царей очень важнымъ средствомъ контроля надъ приказными были челобитья населенія. Никто не былъ ограниченъ въ правѣ подать лично царю челобитную съ просьбой о какой-нибудь милости, съ жалобой на любой судебный приговоръ или на любое дѣйствіе приказныхъ, на обидчиковъ вообще. Это неограниченное право челобитья настолько важно, что его нельзя обойти молчаніемъ, изучая приказный строй. Московскіе цари долго не дѣлаютъ попытокъ ограничить его, даже тогда, когда съ ростомъ государства оно стало для нихъ явно очень обременительнымъ. Впервые въ Уложеньѣ 1649 г. было постановлено: „не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлахъ государю никому челобитенъ не подавати“ (X гл. 20 ст.). Нѣкоторые историки придаютъ этой нормѣ значеніе большее, чѣмъ она имѣла въ дѣйствительности, тогда какъ она является только выраженіемъ сознанія неудобствъ неограниченнаго права челобитья. Въ самомъ дѣлѣ, всякому просителю было проще, а главное, дешевле обратиться

*) Оно основано, повидимому, на словахъ Гр. Котошихина, „О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича“, 4 изд. Имп. Арх. Ком., Спб. 1906 г. 117 стр.

съ своей нуждой въ приказъ, а не къ царю, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ приходилось долго жить на Москвѣ, выбирая удобный случай для подачи челобитной, и обезпечивать себѣ сильное покровительство, чтобы не потерять дѣла въ приказѣ, которому такой обходъ, конечно, не могъ быть пріятнымъ. Если челобитчики обращались прямо къ царю, минуя приказъ. то это объясняется тогдашними нравами и порядками, Обычно челобитчикъ, пріѣзжая въ Москву, прежде всего отправлялся на домъ къ дьякамъ и подьячимъ и улаживалъ свое дѣло. Въ случаѣ надобности, онъ ходилъ съ поклономъ и съ подарками и къ судьѣ. Подаривъ младшаго подьячаго, чтобы онъ написалъ грамоту или составилъ по дѣлу выписку, справнаго подьячаго, чтобы онъ „поднесъ“ дѣло начальству и замолвилъ свое слово, судью и дьяка, чтобы они учинили указъ безволокитно, словомъ, обладивъ свое дѣло, проситель подавалъ въ приказъ челобитную, что было уже въ значительной мѣрѣ только формальностью. Этимъ объясняется ничтожное количество дошедшихъ до насъ челобитныхъ, по которымъ просители получили отказъ. Не было никакого смысла исполнять стоющую денегъ формальность (подача челобитныхъ была обложена пошлиной), когда проситель зналъ заранѣе, что ему откажутъ. Уложенье предписываетъ продѣлать именно эту ненужную формальность. Въ результатѣ— подача безнадежной челобитной стала обязательной, и челобитье стало дороже. Послѣднее не могло не охладить нѣсколько энергіи просителей, но принципъ по существу оставался неизмѣннымъ, такъ какъ родъ дѣлъ и случаи, когда челобитчикъ долженъ былъ бы удовлетвориться дѣятельностью приказа и не докучать царю, остались безъ опредѣленія.

Челобитный приказъ.

Исторія Челобитнаго приказа, существовавшаго уже въ половинѣ XVI в., къ сожалѣнію почти совсѣмъ не изучена. Этотъ приказъ имѣлъ двойное назначеніе. Во-первыхъ, въ немъ были вѣдомы судомъ и управою

дьяки и подьячіе всѣхъ приказовъ, т. е. ему были подсудны всѣ иски частныхъ лицъ къ приказнымъ. Во-вторыхъ, онъ былъ какъ бы канцеляріей для челобитныхъ, подаваемыхъ царю. Царь, принявъ у просителя челобитную, передавалъ ее челобитному дьяку, который всегда сопровождалъ его на выходахъ, и приказывалъ ему помѣтить на ней своій милостивый царскій указъ. Челобитчикъ съ этой „подписной“, т. е. помѣченной, челобитной отправлялся въ соотвѣтствующій дѣлу приказъ, который долженъ былъ исполнить государевъ указъ или доложить государя, если возникали какія-либо затрудненія. Однако это идеальное общеніе царя съ подданными имѣло нѣкоторыя неудобства. Оно должно было отнимать у государя много дорогого времени, а главное, часто ставить его въ затруднительное или непріятное положеніе. Чѣмъ болѣе усложнялось управленіе, тѣмъ чаще государю приходилось либо отказывать,—что всегда непріятно, либо удовлетворять просителя наобумъ, такъ какъ изъ челобитной, конечно, нельзя было узнать всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Изобрѣтательность приказныхъ помогала царямъ избѣгать этихъ крайностей. Практика выработала шаблоны государевыхъ милостивыхъ указовъ: они иногда уклончивы, часто могутъ быть истолкованы въ нѣсколькихъ смыслахъ и еще чаще выражены въ условной формѣ. Нѣкоторымъ позавидовала бы сама пиѳія: „будетъ такъ, какъ бьетъ челомъ,—учинить указъ по государеву указу“, или: „будетъ инымъ такимъ (какъ челобитчикъ) давано, ино и ему дать“, или: „будетъ такъ, какъ бьетъ челомъ,—дать грамота къ воеводѣ“. Рѣшить, что дѣло именно такъ, какъ говоритъ челобитчикъ, или что онъ похожъ на тѣхъ, кому „давано“, что все его дѣло подходитъ подъ какой-нибудь предыдущій государевъ указъ,—все это предоставлялось тому же приказному, который вызвалъ жалобу. Помѣта на челобитной вовсе не имѣла, въ большинствѣ случаевъ, въ виду рѣшить дѣло, ея цѣль—

это побудить приказъ разсмотрѣть дѣло и учинить указъ, т. е. рѣшить вопросъ, не волоча понапрасно челобитчика. Такъ съ теченіемъ времени вырождалось право и значеніе челобитья царю, и создавался безъисходный кругъ: царь отсылаетъ челобитчиковъ въ приказъ, а приказные, раздраженные жалобой на нихъ, подъ разными предлогами волочатъ попрежнему просителя и вынуждаютъ его опять докучать царю. Въ результатѣ, дѣла вершитъ тотъ, кто ихъ знаетъ, т. е. тотъ же приказный. Впрочемъ, отнюдь нельзя сказать, что сопротивленіе приказнаго всегда проходило для него безъ непріятныхъ послѣдствій; если цари не могли разобраться во всѣхъ подробностяхъ дѣла, то ихъ грозный упрекъ: „опять на тебя челобитчики“, долженъ былъ сильно обуздывать своеволіе и корысть приказныхъ. Многое зависѣло, конечно, отъ личности царя. При Алексѣѣ Михайловичѣ челобитчикъ иногда подавалъ безрезультатно 30—40 челобитныхъ, на которыхъ изображены почти одинаковыя помѣты: „учинить указъ по государеву указу тотчасъ“, а на иныхъ выражено недоумѣніе: „выписавъ тотчасъ, доложить государя, для чего указа не учинено?“.

Помѣты думныхъ дьяковъ.

Думные дьяки, какъ лица постоянно близкіе къ царю, тоже помѣчали часто челобитныя, и ихъ помѣты имѣли такое же значеніе, какъ помѣты челобитныхъ дьяковъ. Въ XVII в. по временамъ бывало, что думные почти совсѣмъ заслоняли въ этомъ дѣлѣ челобитныхъ дьяковъ. Здѣсь многое, очевидно, зависѣло отъ личнаго состава Челобитнаго приказа и отъ степени расположенія къ нему царя.

Доклады государю изъ приказовъ.

Когда приказъ затруднялся рѣшить какое-нибудь дѣло, то онъ докладывалъ его государю и боярамъ. Доклады могли быть устными, но чаще бывали писанные. Очень важно отмѣтить, что опредѣленныхъ правилъ относительно того, какія дѣла приказы могутъ вершить сами, а какія они должны докладывать царю, не существовало. По этому вопросу источники XVI и

XVII в.в. выражаются одинаково: „а котораго дѣла за чѣмъ (т. е. почему-либо) вершить не мочно, и о томъ дѣлѣ, выписавъ, докладывать царя и бояръ“. Такая формулировка вопроса для насъ кажется невразумительной, но московскіе государи, очевидно, не опасались чрезмѣрной самостоятельности приказовъ, такъ какъ для послѣднихъ всегда было выгоднѣе сложить съ себя при помощи доклада отвѣтственность на царя, тѣмъ болѣе, что царь, не зная всѣхъ тонкостей дѣла, рѣшалъ его по ихъ же подсказу. Такимъ образомъ, опредѣлить, какое дѣло можно вершить, а какого нельзя, предоставлялось чутью и такту завѣдующихъ. Есть указанія на то, что приказные иногда совѣтовались частнымъ образомъ съ вліятельными думными людьми и рѣшали дѣло самостоятельно или докладывали его царю, смотря по обстоятельствамъ. Думные приказные могли дѣлать доклады во дворцѣ, но недумные,—а такихъ было много,—должны были, подобно челобитчикамъ, ловить государя на выходахъ, богомольяхъ и въ церквахъ во время службъ и дѣлать свои доклады наспѣхъ при весьма неподходящей обстановкѣ. Такая постановка вопроса о докладахъ въ серединѣ XVII в. становится явно неудобной. Многочисленные, часто неважные доклады отнимаютъ у царя много времени и возлагаютъ на него отвѣтственность по такимъ сложнымъ вопросамъ техники управленія, которые трудно рѣшить правильно въ той обстановкѣ, въ которой происходили многіе доклады, и вполнѣ могли бы быть предоставлены подчиненнымъ органамъ управленія. Одновременно съ этимъ несамостоятельность приказовъ замедляетъ веденіе дѣлъ, принося только вредъ. Слабое развитіе общаго права вскрываетъ намъ причины этого порядка.

Общіе указы и доклады.

Московскіе цари и ихъ приказные не были изобрѣтательны на общія нормы, не любили ихъ и постоянно нарушали сепаратными указами, когда это казалось имъ цѣлесообразнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. На

общіе законы они смотрѣли не какъ на нормы, которыя слѣдуетъ примѣнять вездѣ и всегда, а какъ на возможные приблизительные образцы для рѣшенія той или иной категоріи дѣлъ. Ихъ неразвитая юридическая мысль лишь съ большимъ трудомъ вкладываетъ конкретные случаи повседневной практики въ общія нормы. По этому вопросу можно было бы привести множество примѣровъ. Въ первой четверти XVII в. былъ изданъ общій указъ—не давать на откупъ кабаковъ дворянамъ и ихъ людямъ, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ Печатный приказъ запросилъ объ этомъ всѣ приказы, то оказалось, что одни изъ нихъ совсѣмъ не знали этого указа, другіе его исполняли, а третьи не исполняли по особымъ государевымъ указамъ. Когда общій указъ причинялъ или могъ причинить убытокъ казнѣ, то приказы никогда не примѣняли его, да и не имѣли права примѣнять, не доложивъ государя или бояръ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ, когда въ 1639 г. былъ изданъ указъ объ отмѣнѣ мелкихъ монополій, то каждый городъ отдѣльно долженъ былъ бить челомъ государю о примѣненіи къ нему указа *).

Неудобства несамостоятельности приказовъ.

Въ области суда московскіе цари довольно рано и полнѣе всего отдѣлались отъ докладовъ, хотя и въ XVII в. имъ нерѣдко приходилось рѣшать такія судныя дѣла, которыя по своему существу могли бы быть рѣшены приказами на основаніи общихъ указовъ. Въ области же финансовъ они и въ XVII в. лично разсматриваютъ и рѣшаютъ самыя мелкія дѣла, оставляя за приказными очень мало самостоятельности. При Алексѣѣ Михайловичѣ неудобства этого сказываются очень сильно. Этотъ государь, по недостатку ли времени или по другимъ причинамъ, просто избѣгаетъ докладовъ. Результаты получаются очень печальные. Въ архивныхъ дѣлахъ намъ встрѣчались случаи, когда

*) См. подробности объ этомъ въ нашей статьѣ: Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII в. въ сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1910 г.

приказные по полугоду и болѣе тщетно искали случая доложить дѣло царю. Въ архивахъ сохранилось множество изготовленныхъ докладовъ этого времени, которые такъ и остались безъ рѣшенія; это цѣлые столбцы, такъ называемыхъ, „невершеныхъ докладовъ“. Въ окладныхъ приказныхъ книгахъ царя Алексѣя мы нерѣдко читаемъ, что такой-то доходъ не полученъ, что онъ сталъ недоимкой,—„и то дѣло выписано государю въ докладъ; и о томъ, что государь укажетъ?“ Этотъ однообразный припѣвъ повторяется изъ года въ годъ за десятокъ лѣтъ подрядъ. Несамостоятельность приказныхъ, умѣстная въ небольшой вотчинѣ московскихъ великихъ князей, стала дѣйствовать очень вредно съ усложненіемъ дѣлъ и ростомъ государства. Цари, опасаясь дать приказамъ волю и оставить ихъ безъ своего контроля, хотѣли по прежнему доходить до всего лично и въ результатѣ оказались заваленными массой неважныхъ докладовъ, которые лишали ихъ возможности и времени внимательно разсматривать важные. Множество указовъ середины XVII в. остаются на бумагѣ, такъ какъ примѣненіе ихъ на практикѣ вызываетъ много непредвидѣнныхъ вопросовъ, а царь своей властью не устраняетъ сомнѣній приказныхъ.

Приказы при царѣ Михаилѣ.

Упадокъ приказнаго строя становится замѣтнымъ и несомнѣннымъ во второй четверти XVII в. Властный и энергичный Филаретъ Никитичъ быстро приводитъ въ порядокъ расшатанный Смутой приказный механизмъ. Если онъ и не былъ въ силахъ дойти до всего лично, то всетаки порядокъ поддерживается его твердой рукой и страхомъ. Однако нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ сознавалъ необходимость реформъ, а не простой реставраціи. При немъ все сводится къ починкѣ старой машины старыми же средствами. Учрежденный въ 1620 г. приказъ, „что на сильныхъ бьютъ челомъ“ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Во всякомъ случаѣ существованіе его рядомъ съ Челобитнымъ приказомъ не совсѣмъ понятно. Очевидно, что

Челобитный приказъ уже плохо выполнялъ свое назначеніе. Очень сомнительно, чтобы и новый сыскной приказъ былъ лучше стараго Челобитнаго. Смерть Филарета и неудачная Смоленская война вызвали во всѣхъ слояхъ общества сильное броженіе, которое отразилось и на приказахъ. Однако еще нѣкоторое время они работаютъ сносно, отчасти, быть можетъ, по инерціи, всегда важной въ работѣ учрежденій, отчасти благодаря вліянію Михаила Ѳедоровича, не обладавшаго сильнымъ умомъ и твердымъ характеромъ, но получившаго подъ руководствомъ отца значительный опытъ. Въ концѣ его царствованія въ дѣятельности приказовъ становится уже замѣтнымъ нѣчто весьма неладное. Самовольство и злоупотребленія безнаказныхъ судей и дьяковъ растетъ, приказы, лишенные въ значительной степени связующаго ихъ начала—царской руки, начинаютъ обособляться, со стороны населенія все чаще раздаются жалобы на волокиту и злоупотребленія.

Приказы при царѣ Алексѣѣ.

Съ теченіемъ времени, во все царствованіе Алексѣя Михайловича, безпорядокъ увеличивается и рѣзко проявляется даже въ такомъ внѣшнемъ фактѣ, какъ порядокъ приказнаго письмоводства. Всякому, кто долго занимался въ архивахъ, бросается въ глаза порядокъ въ документахъ первыхъ двухъ третей царствованія Михаила Ѳедоровича и большой безпорядокъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Взять хотя бы приходо-расходныя книги приказовъ, этотъ очень важный родъ документовъ. Раньше онѣ ведутся чисто, въ порядкѣ, „безъ скребенья и чищенья“, каждая статья тщательно записана и „очищена“, т. е. указано, получены ли по ней деньги, или нѣтъ, если не получены, то почему, и что́ государевъ указъ о недоимкѣ. Вся книга, во избѣжаніе злоупотребленій, скрѣплена по листамъ дьякомъ. Книги Алексѣя Михайловича, особенно второй половины его царствованія, представляютъ жалкій видъ. Это—большіе фоліанты почти чистой бумаги, въ которыхъ кое-гдѣ записаны, по однообразному шаблону, часто безъ всякой

очистки, окладныя статьи. Иныя статьи по небрежности недописаны, и за цѣлый рядъ лѣтъ неизвѣстно, получены ли деньги или нѣтъ, и почему не получены. Мѣстами чистая бумага испачкана какими-нибудь росчерками или неумѣстными изрѣченіями. Намъ встрѣтился, напримѣръ, такой случай: подъ окладомъ кабака, гдѣ слѣдовало записать поступленіе дохода, изображенъ благочестивый вздохъ—„помилуй мя Боже по велицей милости“..., вздохъ, свидѣтельствующій какъ о набожности подьячаго, такъ и о его пренебреженіи къ важному государственному документу. Размѣръ пройденнаго къ безпорядку пути можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ. Когда въ 1631 г. новый дьякъ Устюжской чети, принимая по описи архивъ своего предшественника, нашелъ въ немъ одну старую (1619 г.) приходо-расходную книгу, которая не вся была скрѣплена по листамъ дьякомъ, то объ этомъ случаѣ было доложено государямъ, т. е. отцу и сыну. Государи, выслушавъ докладъ, указали опечатать книгу и хранить ее до времени за особой печатью. А 40 лѣтъ спустя царь Алексѣй приказываетъ справиться въ Новгородской чети, какъ давно изъ городовъ ея вѣдомства перестали присылать смѣты, т. е. годичные отчеты. Понятно, что отсутствіе городовыхъ смѣтъ лишало приказы возможности составлять приказные, и, быть можетъ, поэтому до насъ дошло нѣсколько десятковъ приказныхъ смѣтъ Новгородской, Устюжской и Галицкой четей за первую половину вѣка и ни одной за время царствованія Алексѣя.

Тайный приказъ.

Алексѣй Михайловичъ не обладалъ твердымъ характеромъ и чувствовалъ себя безсильнымъ среди приказовъ. Медлительность, злоупотребленія и своеволіе раздражали его. Между тѣмъ онъ жаждалъ дѣятельности и глубоко вѣрилъ въ свое высокое призваніе. На такой почвѣ возникъ приказъ Великаго государя Тайныхъ дѣлъ. До монографіи И. Я. Гурлянда и до изданія значительнаго количества дѣлъ Археографической комиссіей объ этомъ приказѣ существовали до-

вольно легендарныя мнѣнія. Теперь уже невозможно говорить, что Тайный приказъ былъ какимъ-то инквизиціоннымъ учрежденіемъ или началомъ тайной полиціи, однако нельзя сказать, чтобы онъ уже получилъ полную и вполнѣ правильную оцѣнку. И. Я. Гурляндъ въ одномъ мѣстѣ своей работы сравниваетъ его съ отдушиной, черезъ которую голосъ притѣсненнаго народа могъ достигнуть до царя, и говоритъ, что населеніе чувствовало въ этомъ потребность. Послѣднее вѣрно, но сравненіе намъ кажется неудачнымъ. С. Ѳ. Платоновъ въ рецензіи на трудъ И. Я. Гурлянда указалъ *), что одна такая отдушина уже существовала, и что она была законопачена какъ разъ въ царствованіе царя Алексѣя: это—земскіе соборы. Слѣдуетъ напомнить о другой отдушинѣ, постоянной, которая существовала давно и пережила Тайный приказъ. Это—Челобитный приказъ. Какая была надобность учреждать новый приказъ, когда царь при желаніи могъ воспользоваться Челобитнымъ приказомъ, который въ приказномъ строѣ долженъ былъ играть роль отдушины? Замѣчаніе И. Я. Гурлянда, что въ учрежденіи Тайнаго приказа сказалось стремленіе царя къ непосредственному дѣйствительному участію въ дѣлахъ управленія, совершенно вѣрно, но возникаетъ вопросъ, какое это имѣло значеніе, если вся приказная система, вмѣстѣ съ Челобитнымъ приказомъ, развилась и была основана на принципѣ личнаго участія царя въ управленіи. Тайный приказъ быстро разросся въ большое учрежденіе съ многочисленнымъ персоналомъ и широкимъ очень пестрымъ кругомъ дѣлъ. Сохранились указанія на то, что онъ, разросшись, выродился въ обычный приказъ со всѣми присущими имъ въ то время недостатками. Даже болѣе того: близость къ царю и его благосклонность давали возможность дьякамъ и подьячимъ Тайнаго приказа совершать такія злоупотребле-

*) Въ „Статьяхъ по русской исторіи“. СПБ. 1903 г.

нія, которымъ, вѣроятно, завидовало „крапивное сѣмя“ другихъ приказовъ. Злоупотребляли не только дьяки и подьячіе, но даже мелкія сошки приказной системы. Какіе-нибудь ничтожные подьячіе съѣзжей избы Нижняго Новгорода (Симановы), опираясь на свое родство съ подьячими Тайнаго приказа, заставляли трепетать передъ собой мѣстнаго дьяка и молчать воеводу.

Тайный приказъ можно разсматривать какъ симптомъ упадка приказнаго строя. Алексѣй Михайловичъ, выросшій въ понятіяхъ старины, не понималъ новыхъ нуждъ управленія. Онъ не чувствовалъ себя хозяиномъ въ разросшемся дворцѣ приказныхъ учрежденій, ему хотѣлось, по примѣру своего предка, имѣть свою „опричнину“, и онъ, отчаявшись стать хозяиномъ въ старомъ домѣ, рѣшилъ построить себѣ особое жилье. „Опричнина“, соотвѣтственно вкусамъ и характеру царя, получаетъ странный, но во всякомъ случаѣ безобидный характеръ. Безъ всякой системы, безъ признаковъ планомѣрной работы серьезной государственной мысли, царь по временамъ заглядываетъ въ приказы, чтобы унести оттуда то, что ему понравилось для обстановки своихъ жилыхъ аппартаментовъ. Все въ Тайномъ приказѣ носитъ печать личныхъ вкусовъ царя: тутъ, рядомъ съ важными государственными дѣлами, случайно исторгнутыми изъ другихъ приказовъ, соколиная охота; личная переписка царя и какое-нибудь хозяйственное предпріятіе, вродѣ винокуренія, откорма скота или будныхъ становъ; рядомъ съ аптекой и дѣломъ распространенія богослужебныхъ книгъ какое-нибудь сыскное дѣло про блудное воровство, почему-либо обратившее на себя вниманіе царя среди массы другихъ подобныхъ дѣлъ; дѣла благотворительности, а рядомъ государственная приходо-расходная смѣта. Со смертью Алексѣя Михайловича Тайный приказъ по совершенной ненадобности былъ немедленно уничтоженъ.

Приказы въ концѣ XVII в.

Изслѣдованіе перехода отъ приказнаго управленія къ коллегіямъ выходитъ за предѣлы нашей статьи. Отмѣтимъ только важнѣйшіе факты. Въ послѣдней

трети XVII в. было много сдѣлано для объединенія различныхъ отраслей управленія. Такъ, помѣстныя и вотчинныя дѣла были сосредоточены въ Помѣстномъ приказѣ. Въ этомъ же приказѣ было объединено дѣло описаній и переписей почти всего государства. Вѣдомство Разбойнаго приказа было распространено на сѣверъ, гдѣ раньше разбойныя и татиныя дѣла вѣдали чети. Таможенные и кабацкіе сборы всего государства (за исключеніемъ Сибири) были переданы приказу Большой Казны, тогда какъ раньше они поступали по крайней мѣрѣ въ 9—10 приказовъ. Стрѣлецкій приказъ сталъ получать съ 1672 г. свои доходы съ такихъ городовъ, гдѣ раньше ихъ сбирали Новгородская и Устюжская чети и приказъ Казанскаго дворца. Вообще, тенденція разрушить территоріальные приказы и распредѣлить ихъ вѣдомство между приказами по роду дѣлъ внѣ всякаго сомнѣнія. Другой фактъ—это соединеніе нѣсколькихъ приказовъ подъ начальствомъ однихъ лицъ. Раньше это бывало исключеніемъ, теперь, т. е. въ послѣдней трети вѣка, становится какъ бы системой. Этотъ пріемъ нѣсколько упрощалъ задачу верховной власти, такъ какъ управленіе всѣми приказами оказывалось въ рукахъ небольшого количества довѣренныхъ и вліятельныхъ лицъ и получало большее единство. Сообразно съ этимъ, въ приказный строй проникаетъ начало бюрократическаго подчиненія младшихъ завѣдывающихъ (товарищей и дьяковъ) старшимъ.

Личный составъ приказовъ.

Какъ можно ожидать, личный составъ приказовъ былъ очень разнообразенъ. Постоянной частью состава было большее или меньшее количество подьячихъ. Во главѣ же приказовъ стояли то дворяне (судьи) съ дьяками, то одни дьяки, то, въ видѣ исключенія, подьячіе. Такъ, Мастерской государевой Палатой, Аптекарскимъ и Постельнымъ приказами долгое время завѣдывали подьячіе „въ дьячье мѣсто“. Во главѣ нѣкоторыхъ несамостоятельныхъ приказовъ стояли выборные гости. Такъ, Большой Московской таможней (Таможеннымъ

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № .....
..... 193 г.

приказомъ), подчиненной приказу Большого Прихода, такъ же какъ Кабацкимъ приказомъ, вѣдавшимъ московскіе кабаки и подчиненнымъ Новой чети, управляли головы (изъ гостей) и цѣловальники, избираемые ежегодно гостями и московскими торговыми людьми. Эти подьячіе „въ дьячье мѣсто“ и выборные головы сносились съ другими приказами, какъ и всѣ прочіе приказы, памятьми, а первые, т. е. подьячіе, имѣли право доклада государю. Во главѣ большинства приказовъ стояли судьи изъ дворянъ и дьяки или одни дьяки. Число тѣхъ и другихъ и чинъ были различны, смотря по важности приказа и по временнымъ потребностямъ. Въ судныхъ по преимуществу приказахъ обыкновенно были дворяне съ дьяками, а въ цѣломъ рядѣ такихъ важныхъ приказовъ, какъ Разрядъ, Посольскій приказъ и Новгородская четь, въ которыхъ судныя дѣла стояли на второмъ планѣ, очень долгое время, почти всю первую половину XVII в., были одни дьяки, отъ 3—5 человѣкъ. По существу названіе судей равно приложимо и къ дьякамъ, такъ какъ они въ дѣйствительности были такими же судьями, какъ „судьи“ изъ дворянъ.

Судьи. Судьями такихъ важныхъ приказовъ, какъ Ямской, Стрѣлецкій, Московскій и Владимирскій, судные Помѣстный и другіе обыкновенно были бояре, въ другихъ менѣе важныхъ—окольничіе, думные дворяне и другіе высшіе чины. Судьи наблюдали за своими сослуживцами—товарищами и дьяками, руководили въ приказахъ дѣлами и докладывали ихъ вмѣстѣ съ дьяками въ случаѣ надобности государю. Въ письмоводствѣ приказовъ они не принимали никакого участія и не прикладывали своихъ рукъ къ документамъ; на то были „устроены“ дьяки.

Дьяки. На дѣлѣ главными дѣльцами приказовъ были дьяки. Въ противоположность судьямъ изъ дворянъ, которые садились управлять приказомъ между военной и дворцовой службами, дьяки были спеціалистами

дѣла и хозяевами приказовъ. Всего приказныхъ дьяковъ, не считая тѣхъ, которые служили въ городахъ и были въ разныхъ посылкахъ, въ серединѣ XVII в. было человѣкъ 75—80. Къ концу вѣка ихъ стало много больше. Большинство дьяковъ происходило изъ подьячихъ, выслужившихся послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ приказной работы. Провинціальные дворяне дѣлали карьеру быстрѣе и нерѣдко попадали въ дьяки, минуя подьячество. Таковы въ XVII в. Заборовскіе, Неупокой Кокошкинъ, Борняковы, Пустошкины, Копнины, Грязевы, Баимъ, Болтинъ и другіе. Дѣловитость, богатство и спеціальныя познанія въ торговыхъ дѣлахъ открывали путь къ дьячеству и гостямъ и торговымъ людямъ. Такъ, минуя даже подьячество, попали въ дьяки: московскій гость Михаилъ Смываловъ (въ Устюжскую четь), братья Панкратовы (на Казенный Дворъ) и братья ярославцы Чистые. Въ XVII в. этотъ разношерстный классъ еще не успѣлъ обособиться въ сильную позже бюрократію. Однако развитіе и усиленіе администраціи, помѣстья, полученныя за службу, вотчины, купленныя на деньги, нажитыя на службѣ, и родственныя связи съ служилымъ дворянствомъ,—все это указывало ясно направленіе, въ которомъ будетъ развиваться высшій слой приказныхъ Московскаго государства.

Думные дьяки.

За заслуги царь жаловалъ дьяковъ въ думу, причемъ обычно они продолжали управлять тѣмъ же приказомъ, гдѣ были въ дьячествѣ. Такіе дьяки въ XVII вѣкѣ назывались думными. Въ первой половинѣ вѣка ихъ было человѣкъ 4—5, а во второй стало больше, человѣкъ 10—12. Повидимому, только въ Разрядѣ и въ Посольскомъ приказѣ всегда одинъ изъ дьяковъ былъ думнымъ. Присутствіе же ихъ въ другихъ приказахъ не считалось, повидимому, обязательнымъ и зависѣло болѣе отъ служебныхъ случайностей, чѣмъ отъ важности приказа.

Взаимныя отношенія судей и дьяковъ.

Каковы бы ни были число и чинъ начальствующихъ приказа, они должны были дѣлать всѣ дѣла „заодинъ“, т. е. съ общаго вѣдома и согласія. Однако, это вовсе не значило, что приказы были коллегіальными учрежденіями, такъ какъ самый принципъ рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ былъ чуждъ понятіямъ XVII вѣка. Мы не видимъ накакихъ слѣдовъ голосованій на земскихъ соборахъ и въ боярской думѣ, гдѣ они были бы еще болѣе умѣстны, чѣмъ въ приказахъ. Съ другой стороны, приказы никакъ нельзя назвать бюрократическими учрежденіями, такъ какъ судьи и дьяки были равноправными товарищами, не были подчинены одинъ другому, и все старшинство однихъ передъ другими выражалось въ томъ, что въ дѣлахъ и грамотахъ старшіе писались раньше младшихъ. Поэтому самая постановка вопроса о томъ, были ли приказы учрежденіями коллегіальными или бюрократическими, кажется намъ ненадобной и неправильной. Взаимныя отношенія государевыхъ приказчиковъ не были опредѣлены заранѣе установленными правилами, и все предоставлялось ихъ личному такту. Московскіе государи, вѣроятно, съ умысломъ послѣдовательно придерживались такой политики: надзоръ товарищей другъ за другомъ и отсутствіе подчиненія были въ ихъ рукахъ средствомъ контроля. Съ другой стороны, предполагалось, что царь всегда можетъ устранить своимъ словомъ возможныя при такихъ отношеніяхъ и нежелательныя для дѣла разногласія. По мѣрѣ ослабленія непосредственнаго участія царя въ дѣлахъ управленія, такой порядокъ становится неудобнымъ, и въ приказы проникаетъ начало подчиненія младшихъ старшимъ. Въ концѣ XVII вѣка приказы уже въ значительной степени бюрократическія учрежденія. Раньше же самый заурядный дьякъ могъ охранять свою самостоятельность и быть, что называется, бѣльмомъ на глазу у сильнаго боярина, пока онъ „искалъ государю прибыли“ и радѣлъ въ дѣлахъ въ государевыхъ интересахъ.

Черную работу въ приказахъ исполняли подьячіе, набранные изъ „всенародства“, больше всего изъ дѣтей духовенства и посадскихъ людей. Природной смышленности, умѣнья писать и случая было достаточно, чтобы попасть въ подьячіе. Необходимыя служебныя познанія давала долголѣтняя практика. Молодой подьячій служилъ сначала нѣсколько лѣтъ безъ жалованья и былъ на положеніи „неверстаннаго“ подьячаго. Затѣмъ его верстали окладомъ отъ 1 до 5 рублей. По заслугамъ окладъ повышался, подьячій переходилъ въ „среднюю статью“ и, наконецъ, могъ достигнуть мѣста „стараго“ подьячаго. Старые подьячіе были уже важными людьми въ приказахъ. Окладъ ихъ жалованья достигалъ 35—40 руб., а сверхъ денежнаго, въ нѣкоторыхъ приказахъ они были поверстаны хлѣбнымъ жалованьемъ и даже помѣстными окладами. Старые подьячіе наблюдали за младшими товарищами, большею частью вѣдали въ приказѣ приходъ и расходъ и „приписывали“ грамоты и памяти, какъ отвѣтственные секретари. Такія приписи назывались справами, а подьячіе, уполномоченные дѣлать ихъ,—справными. Такъ какъ старые подьячіе держали въ своихъ рукахъ все дѣло и знали его до тонкостей, то случалось, что вліяніе ихъ было не меньше, чѣмъ самихъ дьяковъ. Это видно по тому, что просители даютъ имъ иногда такую же взятку, какъ дьяку. Подьячіе.

Подьячіе сидѣли въ приказахъ десятки лѣтъ, смѣнялись постепенно и были поэтому настоящими хранителями приказныхъ традицій и знатоками всѣхъ закоулковъ своего вѣдомства. Этотъ устойчивый элементъ поддерживалъ индивидуальность приказовъ, которая проявляется въ массѣ мелочей: то въ особой формѣ составлять доклады, то въ особой манерѣ писать грамоты и вести книги и т. п. Связанные тѣсными и постоянными сношеніями съ управляемымъ населеніемъ, подьячіе не только знали всѣ тонкости и мелочи письмоводства, но и всѣ детали дѣла. Они прекрасно знали,

насколько приблизительно повысится кабацкій доходъ какого-нибудь Можайска, если черезъ него пройдутъ на государеву службу ратные люди; какъ отразятся ранніе заморозки на торговлѣ Устюга или мелководье— на ярмаркѣ Нижняго, гдѣ какой урожай, и гдѣ хорошо идутъ какіе промыслы. Родственныя связи придавали еще бо́льшую устойчивость хозяйничанью подьячихъ. Очень часто они сидѣли въ приказахъ цѣлыми гнѣздами. Группы братьевъ, какихъ-нибудь Оловяниковыхъ, Симоновыхъ, Деревниныхъ, Ключаревыхъ и другихъ, связанныхъ узами родства съ подьячими того же и другихъ приказовъ, сидятъ у дѣлъ десятки лѣтъ. Когда одинъ изъ нихъ пролѣзетъ въ дьяки, то можно видѣть, какъ онъ начинаетъ вытягивать свою родню.

Порядокъ дѣлопроизводства.

Со всѣхъ концовъ Московскаго государства въ приказы стекались отписки городовыхъ приказныхъ людей. Ихъ привозили или нарочные гонцы, если дѣло было поважнѣе, или случайные попутчики—какой-нибудь челобитчикъ или торговый человѣкъ, пріѣзжавшіе въ Москву по своимъ дѣламъ. Подьячіе, принимая отписки и другіе документы, клали ихъ на столъ передъ судьи и дьяковъ. Дьякъ читалъ отписку съ судьей, поговоря съ нимъ, дѣлалъ на ней резолюцію (помѣту) и раздавалъ отписки подьячимъ по столамъ, смотря въ какой слѣдовало. Дѣленіе приказовъ на столы и количество столовъ было различно, смотря по приказу и по временнымъ удобствамъ. Денежный и судный столы встрѣчаются въ большинствѣ приказовъ. Въ нѣкоторыхъ же приказахъ, какъ напр. въ Разрядѣ, въ Помѣстномъ и въ Новгородской чети, сверхъ этихъ столовъ, были еще территоріальные. Однѣ отписки слѣдовало принять къ свѣдѣнію;—на нихъ дьякъ помѣчалъ: „чтена, въ столпъ“, т. е. подклеить въ столбецъ къ другимъ документамъ, или: „деньги принять, а отписка въ столпъ“, и т. п. На другія отписки слѣдовало отвѣчать, давая городовымъ приказнымъ указанія и предписанія. На такихъ отпискахъ дьякъ по-

мѣчалъ иногда подробно, но всегда сжато, свою резолюцію. Старый подьячій, получивъ помѣченную отписку, передавалъ ее одному изъ младшихъ и давалъ указанія, какъ составить отпускъ. Младшій подьячій справлялся въ старыхъ отпускахъ, т. е. въ прежнихъ дѣлахъ, и по извѣстному шаблону составлялъ грамоту, включая въ нее помѣту дьяка. Тогда старый подьячій просматривалъ черновикъ, дѣлалъ въ немъ поправки и подносилъ дьяку. Дьякъ, если находилъ нужнымъ, чернилъ, т. е. исправлялъ, съ своей стороны, и возвращалъ черновикъ подьячимъ для переписки набѣло. Старый подьячій свѣрялъ бѣловикъ съ черновикомъ и свидѣтельствовалъ это своей справкой на оборотѣ бѣловой грамоты—„справилъ подьячій имя-рекъ“ *)). Дьякъ, прочтя бѣловикъ, приписывалъ его, т. е. скрѣплялъ на оборотѣ по склейкамъ своей подписью, послѣ чего грамоту оставалось только снести въ Печатный приказъ, который прикладывалъ восковую печать и взималъ за это, въ извѣстныхъ случаяхъ, пошлины. Если на отписку требовались какія-либо справки, то дьякъ помѣчалъ: „выписать въ докладъ“ или: „выписать въ докладъ государю“. Тогда подъ наблюденіемъ стараго подьячаго, и за его справой, младшіе подьячіе изготовляли докладъ, который или заслушивался въ приказѣ или былъ докладываемъ государю.

Внѣшняя обстановка приказовъ.

Нѣсколько словъ о внѣшности и обстановкѣ приказовъ не будутъ лишними; они дополнятъ изображенную нами картину. Приказъ помѣщался обыкновенно въ просторной избѣ изъ 2—3 срубовъ и былъ покрытъ дранью и тесомъ. Изба отапливалась глиняными печами, а двери и слюдяныя окна для тепла были обиты сукномъ и войлокомъ. Простые сосновые столы и скамейки составляли всю обстановку приказа. Дѣла хранились въ лубяныхъ и осиновыхъ коробьяхъ. У

*) Всѣ документы, за исключеніемъ книгъ, писались на одной сторонѣ листовъ бумаги, которые подклеивались одинъ къ другому мездриннымъ клеемъ и скатывались въ столбцы.

печи висѣлъ мѣдный или глиняной рукомойникъ. Горница, гдѣ сидѣли судьи и дьяки, была обставлена получше: столъ былъ накрытъ краснымъ или зеленымъ сукномъ, стѣны иногда обшиты тесомъ или обиты матеріей, а окна закрывались для тепла войлочными ставнями. Просители ждали своей очереди въ сѣняхъ или на крыльцѣ. При многихъ приказахъ была своя тюрьма для колодниковъ, ждавшихъ суда или отбывавшихъ наказаніе. Сальныя свѣчи въ желѣзныхъ „шенданахъ“ освѣщали внутренность приказа, гдѣ подьячіе, согнувшись надъ столами, выводили гусиными перьями на заморской бумагѣ свое каверзное письмо, просыпали его москворѣцкимъ пескомъ и опутывали своей чернильной паутиной отдаленнѣйшіе уголки Московскаго государства.

Обзоръ важнѣйшихъ приказовъ.

Перечисленіе всѣхъ приказовъ въ настоящей статьѣ было бы излишне, а описаніе ихъ, хотя бы краткое, заняло бы нѣсколько десятковъ страницъ. Поэтому мы ограничимся краткой характеристикой важнѣйшихъ постоянныхъ приказовъ, оставя совсѣмъ въ сторонѣ временные и чрезвычайные.

Посольскій приказъ вѣдалъ международныя сношенія и рядъ другихъ дѣлъ, имѣвшихъ съ ними болѣе или менѣе тѣсную связь. Такъ, онъ вѣдалъ дѣла иноземной торговли и судилъ иноземцевъ въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ. Въ его же рукахъ было дѣло выкупа и обмѣна плѣнныхъ, а когда въ 1649 г. былъ установленъ для этого новый налогъ, то онъ сталъ поступать на распоряженіе Посольскаго приказа.

Разрядъ или *Разрядный* приказъ вѣдалъ службой служилыхъ людей всего государства. Въ его рукахъ былъ весь воинскій урядъ, т. е. онъ велъ списки служилыхъ людей съ окладами денежнаго и помѣстнаго жалованья, назначалъ ихъ на военныя и гражданскія службы, велъ послужные списки и въ извѣстныхъ случаяхъ раздавалъ жалованье и награды. Черезъ него государи вели военныя дѣйствія. Такимъ образомъ, онъ

былъ какъ бы генеральнымъ штабомъ и военнымъ министерствомъ. По мѣрѣ колонизаціи юга Разрядъ пріобрѣлъ значеніе территоріальнаго приказа. Въ самомъ концѣ XVI в. онъ вѣдалъ на югѣ только нѣсколько городовъ, имѣвшихъ большое стратегическое значеніе (Воронежъ, Курскъ, Елецъ, Ливны, Ст. Осколъ, Лебедянь и Бѣлгородъ). Управленіе этими городами онъ раздѣлялъ съ другими приказами: съ Помѣстнымъ, Пушкарскимъ, Стрѣлецкимъ и другими. Города же, построенные въ XVII в., были въ исключительномъ вѣдомствѣ Разряда, и къ второй половинѣ XVII в. у него образовалась большая территорія, которую онъ вѣдалъ одинъ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. судомъ и управою, всякими доходами, служилыми людьми всѣхъ чиновъ, землями, описаніями и т. д.

Помѣстный приказъ вѣдалъ помѣстныя и вотчинныя дѣла, раздавалъ и отбиралъ помѣстья, слѣдилъ за переходами ихъ и вотчинъ отъ однихъ лицъ къ другимъ и судилъ истцовъ въ земельныхъ дѣлахъ. Получая изъ Разряда свѣдѣнія относительно окладовъ служилыхъ людей, онъ руководился ими и съ своей стороны извѣщалъ Разрядъ о помѣстныхъ дачахъ и вотчинахъ. Такимъ путемъ поддерживалось соотвѣтствіе между земельнымъ обезпеченіемъ служилыхъ людей и службой съ земель. Въ концѣ первой трети XVII в. въ Помѣстномъ приказѣ сосредоточивается писцовое дѣло всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которое до того онъ раздѣлялъ съ приказомъ Большого Прихода и съ четвертями.

Приказъ *Казанскаго* (и Мещерскаго) *Дворца* былъ территоріальнымъ вѣдомствомъ, управлявшимъ всѣмъ Поволжьемъ, начиная отъ границъ Нижегородскаго уѣзда и до Астрахани и Терки. До 1634 г. этотъ приказъ вѣдалъ также Сибирь, когда для управленія послѣдней былъ образованъ особый самостоятельный приказъ—*Сибирскій*.

Подъ названіемъ *четвертей* или *четей* въ XVII в. существовало 6 приказовъ весьма различныхъ по своему значенію: Новгородская (она же Нижегородская), Устюжская, Галицкая, Владимирская, Костромская (Ярославская) и Новая. Вопросъ о происхожденіи четей много занималъ историковъ, но до сихъ поръ далеко не выясненъ и едва ли можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ по недостатку первоисточниковъ. Все, что можно сказать съ увѣренностью, это то, что въ началѣ второй половины XVI в. въ связи съ отмѣной кормленій часть государства,—какая, въ точности неизвѣстно,—была раздѣлена между 4 учрежденіями, которыя получили названіе четвертей. Чети должны были сбирать съ своихъ городовъ нѣкоторые доходы, которые были предназначены на жалованье служилымъ людямъ, такъ назыв. четвертчикамъ, вмѣсто отмѣненныхъ кормленій. Дальнѣйшая исторія четей еще темнѣе. Прежде всего слѣдуетъ выдѣлить *Новую* четь, которая была учреждена въ 1619 г. и вѣдала только кабацкій доходъ въ Москвѣ, а съ 1619 г. въ городахъ Галицкой, Владимирской и Костромской четей. Четвертчиковъ у нея никогда не было, и населеніе называло ее иногда, имѣя въ виду ея спеціальность, Кабацкой четью. Точно также, судя по всему, не было четвертчиковъ и у *Новгородской* чети. Существованіе четвертчиковъ въ XVII в. несомнѣнно только въ 4 четяхъ: въ *Галицкой, Владимирской, Костромской и Устюжской.* Но здѣсь вопросъ осложняется тѣмъ, что Устюжская четь возникла не ранѣе царствованія царя Василья Шуйскаго. Такимъ образомъ, остается предположить, что въ XVI в. первоначально были какія-то другія 4 чети, отличныя по своему вѣдомству отъ существовавшихъ въ XVII. Въ этомъ вѣкѣ Новгородская четь настолько отличается по своему вѣдомству отъ другихъ, что своимъ названіемъ чети только способна вызывать недоразумѣнія. Она была территоріальнымъ приказомъ и вѣдала свои Поморскіе города во всѣхъ

отношеніяхъ, а управленіе тѣхъ городовъ, гдѣ уѣзды были испомѣщены служилыми людьми (Вологда, Нижній Новгородъ, Арзамасъ, Гороховецъ, Псковъ и Вел. Новгородъ), она раздѣляла съ другими приказами, хотя всетаки и здѣсь большая часть дѣлъ была въ ея рукахъ. Устюжская четь вѣдала полно, во всѣхъ отношеніяхъ ту часть своихъ городовъ, которая находилась въ Поморьѣ, и гдѣ не было помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Въ Замосковныхъ городахъ она вѣдала только посады, да и то не во всѣхъ отношеніяхъ. Остальныя чети вѣдали въ XVII в. только посады, хотя сохранилось много указаній на то, что онѣ были вытѣснены изъ уѣздовъ развитіемъ и ростомъ помѣстной системы. Когда эти чети въ 1619 г. лишились кабацкаго дохода, то въ ихъ рукахъ остались совсѣмъ ничтожные доходы.

Приказъ *Большаго Прихода* былъ важнымъ конкуррентомъ четей въ области финансовъ. Въ XVII в. онъ вѣдалъ таможни и лавки въ большинствѣ городовъ всѣхъ четей за исключеніемъ Новгородской, куда доступъ ему былъ закрытъ. Онъ важенъ еще тѣмъ, что вѣдалъ таможни и лавки Москвы, которыя давали очень большой доходъ. Судя по всему, раньше его финансовое значеніе было еще больше. Такъ, есть много указаній, что въ его рукахъ было дѣло дозоровъ и описаній, отдача на оброкъ пустошей, оставшихся отъ помѣстной раздачи. Въ его же кассу поступалъ важный въ XVI в. налогъ—малыя ямскія деньги, который въ XVII в. утратилъ свое значеніе.

Разбросанныя по всему государству дворцовыя владѣнія управлялись во всѣхъ отношеніяхъ приказомъ *Большаго Дворца*. Онъ самостоятельно назначалъ въ своемъ вѣдомствѣ воеводъ и другихъ приказныхъ людей, посылалъ писцовъ и дозорщиковъ и сбиралъ всѣ доходы. Для суда дворцовыхъ служащихъ и крестьянъ существовалъ *Дворцовый Судный* приказъ. Во дворцѣ же были вѣдомы до 1649 г. монастыри, когда для нихъ былъ учрежденъ особый приказъ—*Мона-*

стырскій. Тѣ доходы, которые Дворецъ получалъ натурой, онъ эксплоатировалъ на царскія и общегосударственныя нужды на подчиненныхъ ему учрежденіяхъ: на *Сытномъ*, *Кормовомъ и Хлѣбномъ* дворцахъ.

Разныя нужды царскаго обихода удовлетворялъ цѣлый рядъ мелкихъ самостоятельныхъ приказовъ: *Аптекарскій*, *Золотой и Серебряный*, *Постельный*, *Мастерскія Палаты* государя и государыни и т. п. При надобности, конечно, эти приказы служили и для общихъ нуждъ. *Конюшенный* приказъ управлялъ царскими конюшнями и тѣми землями, которыя ему были даны для содержанія людей и лошадей. Сверхъ земель для той же цѣли ему были даны записныя пошлины во многихъ городахъ, сбиравшіяся при продажѣ лошадей, и множество доходныхъ бань въ Москвѣ.

Каменный приказъ вѣдалъ во многихъ городахъ кирпичниковъ, каменьщиковъ и горшечниковъ и занимался постройками крѣпостей, церквей, дворцовъ и т. п. Для храненія и эксплоатаціи богатой рухляди московскихъ царей, т. е. мѣховъ, матерій, царскаго платья и т. п. существовалъ *Казенный Дворъ*. Онъ же занимался до учрежденія Большой Казны покупкой и продажей иноземныхъ товаровъ, какъ для царскаго обихода, такъ и для прибыли. Въ его обширныя кладовыя другіе приказы ставили иногда на храненіе свои сбереженія. Монету чеканилъ *Денежный Дворъ*. Когда въ 30-хъ годахъ XVII в. правительство занялось въ широкихъ размѣрахъ торговыми предпріятіями, то для этого былъ образованъ приказъ *Большой Казны*, который не слѣдуетъ смѣшивать съ Большой Казной, существовавшей уже въ XVI в. Приказъ Большой Казны взялъ у Казеннаго Двора торговыя операціи иноземными товарами и сталъ развивать торговыя операціи туземными товарами, главнымъ образомъ хлѣбомъ, солью, поташомъ, смолой и т. п. Къ нему перешло отъ Челобитнаго приказа управленіе гостями и гостиной и суконной сотнями. Реформа 1680—1681 гг. не на дол-

гое время очень возвысила значеніе приказа Большой Казны, такъ какъ ей были переданы таможни и кабаки всего государства за исключеніемъ Сибири.

Важное мѣсто въ системѣ приказовъ занималъ *Печатный*, который хранилъ государевы печати и собиралъ печатныя пошлины со всѣхъ документовъ, которые исходили изо всѣхъ приказовъ, за исключеніемъ приказа Большаго Дворца. Большой Дворецъ и здѣсь сохранялъ свою самостоятельность и самъ бралъ пошлины съ своихъ грамотъ и дѣлъ.

Казенныя сообщенія съ городами поддерживалъ одинъ изъ древнѣйшихъ приказовъ—*Ямской*. Онъ строилъ ямскія слободы, наблюдалъ за ними, судилъ въ разныхъ дѣлахъ ямщиковъ, выдавалъ подорожныя памяти для ѣзды по ямамъ, а въ XVII в. сталъ сбирать одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ прямыхъ налоговъ—большія ямскія деньги. Послѣднее придало ему значеніе важнаго финансоваго приказа.

Нѣсколько военныхъ приказовъ вѣдало различныя отрасли военнаго дѣла и служилыхъ людей разныхъ родовъ оружія. Разрядъ сверхъ того назначенія, которое нами указано выше, объединялъ въ своихъ рукахъ все военное дѣло. Изготовленіе, закупку и храненіе оружія выполняли *Оружейный* и *Пушкарскій* приказы (приказы Бронный и Ствольный были временными). Послѣдній сверхъ того на значительной части территоріи Московскаго государства завѣдывалъ постройкой и содержаніемъ городовыхъ укрѣпленій. Служилые иноземцы первое время послѣ Смуты были вѣдомы въ Разрядѣ, а выходцы изъ Литвы и Польши—въ *Панскомъ* приказѣ. Казаковъ вѣдалъ *Казачій*, а стрѣльцовъ—*Стрѣлецкій* приказы. Позже Панскій, а затѣмъ Казачій приказы были уничтожены, а для войскъ иноземнаго строя были учреждены *Иноземскій* и *Рейтарскій* приказы. Изъ этихъ приказовъ особенно важенъ *Стрѣлецкій*, какъ потому, что стрѣльцы составляли значительную часть военныхъ силъ, такъ и

потому, что въ его кассу поступалъ на содержаніе стрѣльцовъ очень важный прямой налогъ—стрѣлецкіе хлѣбные запасы и деньги за нихъ. Благодаря этому, Стрѣлецкій приказъ, наряду съ Ямскимъ, былъ въ XVII в. очень важнымъ финансовымъ приказомъ.

Судъ и управа распредѣлялись очень сложно между множествомъ приказовъ. Трудно указать такой приказъ, которому бы въ извѣстныхъ случаяхъ не приходилось быть мѣстомъ для разбора и рѣшенія судныхъ дѣлъ. Подсудность дѣлъ вообще опредѣлялась тѣмъ приказомъ, въ которомъ былъ вѣдомъ судомъ отвѣтчикъ. Одни лица были подсудны приказу по своему званію, должности или чину, другіе по территоріи, на которой они жили. Такъ, иноземцы были вѣдомы судомъ въ Посольскомъ приказѣ, каменьщики въ Каменномъ, дворцовые люди и крестьяне въ Дворцовомъ Судномъ, ямщики—въ Ямскомъ и т. д. Помѣщики Бѣлозерскаго уѣзда вообще были вѣдомы судомъ во Владимірскомъ Судномъ приказѣ, но тѣ изъ нихъ, которые были иноземцами, судились въ Панскомъ, а позже въ Иноземскомъ приказахъ. Сверхъ приказовъ, для которыхъ судныя дѣла были побочнымъ занятіемъ, существовали спеціально судные. Два такихъ приказа мы уже упоминали—*Владимирскій Судный* и Дворцовый. Кромѣ Владимирскаго приказа въ XVII в. существовалъ еще *Московскій*, а въ XVI в. кромѣ того *Дмитровскій*. Это были приказы по гражданскимъ дѣламъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и ихъ людей и крестьянъ. Разбойныя и татиныя дѣла на большей части Московскаго государства вѣдалъ *Разбойный* приказъ, а дѣла о холопствѣ—приказъ *Холопья Суда*. Для Москвы территоріальнымъ судебнымъ мѣстомъ былъ *Земскій* приказъ, съ которымъ впрочемъ конкуррировали по личной подсудности многіе другіе приказы.

Приказная волокита.

Московская приказная волокита пользуется заслуженной, но сильно преувеличенной дурной славой. Приказныхъ обвиняютъ въ продажности, грубомъ не-

уваженіи къ праву и справедливости, въ волокитѣ, т. е. въ томъ, что она „волочила“ просителей—заставляла ихъ долгое время проѣдаться на Москвѣ, ходя за дѣломъ, и тратиться на взятки. Чтобы правильно оцѣнить эти упреки, нужно прежде всего отказаться отъ поспѣшныхъ сравненій прошлаго съ настоящимъ и постараться выяснить, что въ приказной волокитѣ зависѣло отъ лицъ, что отъ общихъ условій жизни, въ чемъ выражалась волокита, и какія измѣненія происходили въ этомъ отношеніи съ теченіемъ времени.

Централизація управленія.

Очень благопріятную почву для волокиты создавала сильная централизація управленія. Московскіе цари перенесли на разросшееся государство принципы и пріемы управленія, которые были выработаны въ ихъ вотчинахъ. Мѣстные органы управленія такъ же несамостоятельны, какъ и центральные приказы. Цари какъ будто не довольствовались тѣмъ, чтобы быть душой приказовъ,—они хотѣли, какъ добрые хозяева, быть душой всего государства. Это сказывается особенно ярко въ финансовомъ управленіи. Напр., самыя ничтожныя доходныя статьи сдаются на откупъ въ Москвѣ, а воеводы—только исполнители московскихъ распоряженій. Когда какой-нибудь доходъ сбирали выборные люди, и кончался годъ ихъ службы, то они для отчета должны были ѣхать въ Москву. Ничтожность сбора,—какихъ-нибудь 10—20 руб., и дальность разстоянія не были въ глазахъ приказа разумнымъ основаніемъ для освобожденія выборныхъ отъ невольнаго дальняго путешествія. Нѣтъ нужды, что поѣздка въ Москву могла обойтись дороже самаго сбора. Въ другихъ отрасляхъ управленія централизація едва ли меньше. Небольшая починка какой-нибудь городовой башни, назначеніе подьячаго въ съѣзжую избу маленькаго городка и т. п., все это рѣшается въ Москвѣ въ приказахъ. Если въ области суда централизація была меньше, то все-таки она была очень обременительна для населенія, такъ какъ касалась его ближе. Москов-

ское правительство иногда ограничивало юрисдикцію воеводъ, но не находило нужнымъ устанавливать судебныхъ инстанцій. Вообще, по мелкимъ гражданскимъ дѣламъ населеніе, конечно, предпочитало судиться на мѣстѣ у воеводъ, такъ какъ поѣздка въ Москву могла стоить дороже иска, но ничто не мѣшало истцу, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отвѣтчику, потребовать разсмотрѣнія дѣла на Москвѣ въ приказѣ. Эти порядки объясняютъ намъ причину постоянныхъ жалобъ населенія на приказную волокиту и на „поклепщиковъ и ябедниковъ“, которые затѣвали поклепные, т. е. ложные, иски, чтобы „помириться“ на небольшой суммѣ. Боязнь мирныхъ обывателей истратиться на далекую поѣздку въ Москву и подвергнуться всѣмъ мытарствамъ приказной волокиты постоянно подстрекала поклепцовъ. Нѣтъ нужды много говорить о томъ, что эти черты приказнаго строя становились для населенія все болѣе обременительными и непріятными по мѣрѣ роста государства и усложненія общественной жизни.

Законъ и обычай.

Извѣстно, что старина, то, что повелось изстари, имѣла очень большое значеніе въ Московскомъ государствѣ. Кризисъ конца XVI в. и Смута сильно пошатнули значеніе старины и породили новыя нужды, не предусмотрѣнныя ею. Съ другой стороны, государство въ своемъ развитіи сталкивалось съ обычаями, которые обыкновенно имѣли мѣстное происхожденіе и часто противорѣчили новымъ государственнымъ интересамъ. Государевъ указъ вторгается въ область обычая и разрушаетъ его. Борьба ведется очень упорно, но безсознательно и непослѣдовательно; она носитъ не принципіальный, а казуистическій характеръ. Въ общемъ и въ цѣломъ старина считается священной, и когда указъ отмѣняетъ ее въ какомъ-нибудь частномъ вопросѣ, то противорѣчіе его съ другими обычаями мало смущаетъ московскихъ законодателей. Слабость юридической мысли и творчества оставляютъ эти противорѣчія безъ рѣшеній, что вноситъ въ правовыя по-

нятія населенія вредную смуту. Это столкновеніе обычая съ указомъ, которое мы можемъ наблюдать во многихъ отрасляхъ государственной и общественной жизни, медленное развитіе общаго права и постоянные компромиссы мутили правовыя понятія населенія и создавали почву для приказныхъ каверзъ и злоупотребленій. Въ серединѣ XVII в. потребность въ общемъ правѣ остро ощущалась населеніемъ, однако Уложенье удовлетворило ее въ небольшой мѣрѣ, такъ какъ въ немъ главное вниманіе обращено на процессуальное право, а матеріальное очень несовершенно и страдаетъ большими пробѣлами. Въ немъ оставлены безъ рѣшенія такіе вопросы, для которыхъ практика уже давала значительный матеріалъ.

Пережитки кормленій.

Весь строй управленія Московскаго государства постоянно поддерживалъ въ населеніи взглядъ, что всякое, даже самое мелкое, дѣйствіе приказныхъ, всякое соприкосновеніе съ ними должно быть оплачено особо. Почти весь строй обложенія носилъ пошлинный или цѣлевой характеръ. Для правительства всякая услуга населенію, всякая особая нужда, какъ, напр., выкупъ плѣнныхъ, были предлогомъ и основаніемъ потребовать отъ населенія жертвъ, которыхъ оно не несло по принципу подданства. Населеніе вѣками привыкало къ мысли, что каждое изъ тѣхъ „невещественныхъ“ благъ, которыя создаетъ государство, должно быть куплено и оплачено особо. Всякое челобитье, всякое дѣйствіе суда и администраціи должны быть оплачены отдѣльно. Даже колодникъ, котораго послѣ всѣхъ мытарствъ сажали въ тюрьму, долженъ былъ заплатить „влазную“ пошлину и пожелѣзное. Часть этихъ доходовъ поступала въ казну государей, а часть они оставляли за приказными, вмѣсто жалованья,—давали приказнымъ кормъ. Съ теченіемъ времени кормленія стали подвергаться ограниченіямъ, а затѣмъ были уничтожены, но привычки, созданныя ими, остались. Въ сущности, при отмѣнѣ кормленій,

выиграло одно государство. Приказнымъ было обѣщано государево жалованье, но дано недостаточное, а главное—выдавалось оно нерегулярно, а населеніе, принявшее на себя уплату кормленнаго окупа государству, въ концѣ концовъ, оказалось вынужденнымъ платить сверхъ старыхъ налоговъ и кормленнаго окупа еще внѣлегальные кормы голоднымъ, по прежнему, приказнымъ.

Заключеніе.

Было бы неправильно, указавъ на недостатки приказной системы, ничего не сказать о ея достоинствахъ. Мы уже говорили, что у приказныхъ не было общаго и профессіональнаго образованія; въ сущности, это были смѣтливые мужики, хорошо усвоившіе путемъ практики технику дѣла. Пока все шло, „какъ было напередъ сего“, пока было, къ чему „примѣриваться“, они прекрасно управлялись съ своимъ дѣломъ. Когда же возникали какіе-нибудь новые вопросы, когда помощь старины оказывалась недостаточной, то они обнаруживали неизобрѣтательность и даже безпомощность. Но зато имъ были чужды многіе недостатки позднѣйшей бюрократіи. Они были ближе къ населенію, хорошо знали его повседневныя нужды и, какъ практики, не мудрили и не изощряли своей изобрѣтательности на спинахъ управляемыхъ. Все сѣро въ приказной администраціи, мы не видимъ крупныхъ дѣлъ и едва различаемъ въ отдѣльныхъ выдающихся дѣльцахъ индивидуальный обликъ. Два вѣка, изо-дня въ день, они ткутъ незамѣтно свою паутину и, прикладывая грошъ къ грошу, терпѣливо увеличиваютъ наслѣдство отцовъ. Бережливость, которая граничитъ со скупостью, мелочная экономія—вотъ характерная черта финансоваго хозяйства приказныхъ. Такъ ими было заложено основаніе будущаго блеска и богатства. На смѣну приказной администраціи, съ начала XVIII вѣка, пришла другая:—полуобразованная и разноплеменная толпа бюрократовъ, самонадѣянныхъ, скорыхъ на всевозможные прожекты,

не менѣе корыстныхъ, наглыхъ въ своихъ сношеніяхъ съ населеніемъ и расточительныхъ, какъ люди, неожиданно получившіе большое наслѣдство. За этимъ поколѣніемъ пошли другія. Не наше дѣло сравнивать ихъ, но мы должны были воздать должное приказнымъ.

С. Б. Веселовскій.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № .....
..... 1933 г.